

ВЫБОР КЛИТИКИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВИДО-ВРЕМЕННОЙ ФОРМЫ ПРЕДИКАТА: ДАННЫЕ АНДИЙСКОГО ЯЗЫКА*

Т. А. Майсак

Институт языкознания РАН,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В работе рассмотрено необычное распределение пяти пар клитик в андийском языке (аваро-андийская группа нахско-дагестанской семьи). Имеется два общевопросительных показателя, два частновопросительных показателя, два показателя косвенного вопроса, два квотатива (показателя цитации) и два репортатива, причем в каждой из пар один показатель используется только при форме аориста в клаузе, тогда как другой — во всех остальных случаях. Мы предлагаем две гипотезы, которые могут пролить свет на природу рассматриваемого явления: во-первых, это связь большинства клитик в парных наборах с фокусным выделением; во-вторых, это утрата связки настоящего времени в аналитических формах, которая позволяет объяснить отнесение (исходно аналитического) перфекта в «дефолтную» группу, противопоставленную синтетическому аористу.

Ключевые слова: клитики, общие вопросы, частные вопросы, косвенные вопросы, квотатив, репортатив, аорист, андийский язык, нахско-дагестанские языки.

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ №18-012-00852 «Морфосинтаксис андийского языка: опыт внутригенетической типологии». Мы благодарим за консультации носителей андийского языка Рамазана Газиева, Чопана Газиева и Меседу Алисултанову, а участников Андийского семинара и участников конференции ТМП-2020 — за плодотворное обсуждение.

THE CHOICE OF A CLITIC CAN BE DRIVEN BY THE TENSE-ASPECT FORM OF THE PREDICATE: EVIDENCE FROM ANDI^{*}

Timur Maisak

Institute of Linguistics RAS,

National Research University Higher School of Economics

The paper addresses the unusual distribution among five clitic pairs in Andi (< Andic < Nakh-Daghestanian). There are two polar question markers, two content question markers, two indirect question markers, two quotatives and two reportatives. One of each pair is used when the clause is headed by the aorist (perfective past), while the other marker is used elsewhere. I suggest two hypotheses which can shed light on the nature of this phenomenon: first, the connection of these clitics with focus marking, and second, the loss of the copula in periphrastic forms, which explains the attribution of the perfect to the non-aorist group.

Keywords: clitics, polar questions, content questions, indirect questions, quotative, reportative, aorist, Andi, Nakh-Daghestanian.

^{*} This research is part of the project “Andi morphosyntax in a typological perspective” supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant No. 18-012-00852a. My thanks are due to Ramazan Gaziev, Chohan Gaziev and Mesedu Alisultanova for their native speaker judgements on Andi, and to the participants of the Andic Seminar and the TMP-2020 conference for fruitful discussions.

1. Введение

В андийском языке (аваро-андийская группа нахско-дагестанской семьи) для выражения целого ряда грамматических функций используются показатели, которые могут быть квалифицированы как (эн)клитики. Эти показатели просодически и синтаксически неавтономны и нуждаются в опорном слове, при этом они примыкают к уже морфологически оформленным словоформам (не к основам) и имеют низкую селективность — в роли опорных могут выступать слова разных грамматических классов. К такого рода клитическим показателям относятся, в частности, аддитив ('тоже'), комитатив ('вместе с'), интенсификатор ('именно', 'даже'), квотативы (вводящие цитату при передаче речи), репортативы ('как говорят, как я знаю с чужих слов'), показатели общего и частного вопроса, показатели сравнения, показатель серии неопределенных местоимений, субординаторы и пр. Сходные единицы, в особенности с аддитивной и квотативной и/или репортативной функцией, отмечаются и во многих других андийских (и, шире, нахско-дагестанских языках). В фокусе нашего дальнейшего внимания, однако, будет находиться одна особенность андийских клитик, которая если и не является уникальной, то по крайней мере обнаруживает гораздо меньше внутригенетических и, вероятно, типологических параллелей.

Дело в том, что некоторые из андийских клитик образуют пары (парные наборы) с дополнительным распределением: а именно, имеется два общевопросительных показателя, два частновопросительных показателя, два показателя косвенного вопроса, два квотатива и два репортатива. В качестве предварительного примера рассмотрим (1) и (2) из рикванинского говора андийского языка: оба предложения представляют собой общие вопросы, в обоих к глаголу примыкает общевопросительный показатель, но если в предложении (1) с формой презенса прогрессива этим показателем является *-le*, то в (2) с формой аориста (перфективного прошедшего) выступает показатель *-de*. Применяемое здесь и далее цветное оформление примеров будет пояснено чуть позже.

(1) андийский (Риквани); элицитация

men *χiʃa* *raL'-rado-le?*
 ты книга читать-PROGR = Q
 'Ты читаешь книгу?'

(2) андийский (Риквани); элицитация

men ingur arχon-de?

ты окно открывать.AOR = Q

‘Ты открыл окно?’

Далее в статье мы остановимся именно на принципах распределения клитик внутри выявленных парных наборов, а также наметим возможные пути поиска причин возникновения такого распределения. В разделе 2 будет дан обзор тех пяти грамматических областей, в которых мы находим по два показателя, выражающих определенную функцию; в разделе 3 будет сформулирован принцип распределения и подчеркнут его не вполне тривиальный характер; в разделе 4 мы обсудим некоторые частичные параллели наблюдаемого распределения, которые удалось обнаружить в языках, родственных андийскому; наконец, в разделе 5 будут сформулированы гипотезы, которые могут пролить свет на природу рассматриваемого явления и его диахронический источник.

Андийский язык — один из малых языков Республики Дагестан, на котором говорят в нескольких горных селах Ботлихского района, а также в переселенческих селах и в городах равнинной части Дагестана. Как и другие языки нахско-дагестанской семьи, это язык с эргативным падежным кодированием, большим количестве локативных падежей, преобладанием левого ветвления, с согласованием по роду («именному классу») на глаголах, прилагательных, демонстративах и ряде других мишеней.

Материалом нашего исследования послужили как тексты на андийском языке, так и наши полевые данные, в том числе экспедиционные материалы, собранные в с. Риквани в 2015–2017 гг. К числу опубликованных на сегодня андийских текстов относятся два переводных издания 2010-х гг. (сборник сказок народов мира на говоре с. Анди и перевод Евангелия от Луки, содержащий черты нескольких говоров), а также тексты из приложений к опубликованному грамматическому очеркам [Дирр 1906; Сулейманов 1957; Церцвадзе 1965; Салимов 2010]. Источники примеров указываются в строке номера примера после указания на язык и говор (село); если пример был получен в ходе полевой работы, он помечен как элицитированный.

2. Парные наборы клитик: обзор грамматических функций

Рассмотрим те функции, которые в андийском языке выражаются парными наборами клитик. Для наглядности в строке глоссирования клитики двух

разных наборов будут выделены разными цветами, **синим** и **красным** (как это сделано в примерах (1)–(2)); в разделе 2.6 будет дана суммирующая таблица с указанием диалектных вариантов клитик¹. Тем же цветом в примерах выделен ярлык глагольной формы

2.1. Общий вопрос

Общие вопросы содержат одну из двух клитик, *-le* или *-de*, причем линейно они могут находиться либо на глаголе, либо на другой составляющей — фокусе вопроса. Расположение на глаголе показано в примерах (1) и (2), а в (3) и (4) ниже иллюстрируется позиция общевпросительных клитик на предглагольном фокусе вопроса.

- (3) андийский (Риквани); элицитация

ali šela-le w-uq'-dja?
 Али [завтра] = Q м-приходить-FUT
 'Али ЗАВТРА приедет?'

- (4) андийский (Риквани); элицитация

ali sun-de w-ugo?
 Али [вчера] = Q м-приходить.AOR
 'Али ВЧЕРА приехал?'

2.2. Частный вопрос

В частных вопросах используется другой набор клитик — *-vil* (по говорам *-vi*, *-vo*) либо *-di* (по говорам *-to*). Линейно они располагаются на вопросительном слове, как в (6); в случае, если вопросительная группа включает несколько слов, — на ее правой границе, как в (5).

- (5) андийский (Анди); сказки

eʁbi maš:qil-vil xan-šlu-b b-ik'u-dja?
 [что <IV> умение] = WH царь-ОБЛ.М-GEN(IV) IV-быть-FUT
 'Какое у царя может быть ремесло?'

- (6) андийский (Анди); сказки

du-j eʁbi-di ti?
 ты-DAT [что <IV>] = WH статья.AOR
 'Что с тобой случилось?'

¹ Оговоримся сразу, что, учитывая ограниченность доступных нам данных, употребление клитик рассмотрено ниже на материале трех верхнеандийских говоров — сс. Анди, Гагатли и Риквани.

2.3. Репортативность

Одним из способов указания на то, что о сообщаемой ситуации говорящему известно с чужих слов, в андийском языке является использование показателей репортатива *-vodi* либо *-todi*. Такое использование особенно характерно для нарративных произведений фольклорных жанров — сказок, анекдотов, ср. примеры (7) и (8).

(7) андийский (Риквани); элицитация

w-uk'o-d-vodi, *w-uk'o-č'igu-vodi* *se-w* *χan...*
 м-быть-PRF = REP м-быть-PRF.NEG = REP один-м царь
 'Жил да был один царь...' {начало сказки}

(8) андийский (Анди); [Дирр 1906: 78]

onš'i *mola-rasadin-o-di* *b-ič'i-todi* *l'ank:ala*,
 однажды Молла-Насреддин-OBL-ERG III-ловить.AOR = REP заяц

b-ikoti-todi *hede-b* *g^wal-u-la* *hinu*.
 III-быть.CAUS.AOR = REP DEM-III мешок-OBL-IN внутри
 'Однажды Молла Насреддин поймал зайца и посадил его в мешок.'

Интересно, что репортативные клитики, как и вопросительные, не обязательно располагаются на глагольных формах: так, в (9) показатель *-todi* энклитизируется к предглагольной субъектной именной группе 'Молла-Насреддин' (в эргативе).

(9) андийский (Анди); [Церцвадзе 1965: 303]

he-b *rihi* *molla ras:adin-š:-di-todi* *hit'on...*
 DEM-IV время [Молла Насреддин-OBL.M-ERG] = REP говорить.AOR
 'Тогда Молла-Насреддин сказал...'

2.4. Чужая речь (квотатив)

Как это свойственно многим нахско-дагестанским языкам, при передаче речи цитата оформляется клитикой квотатива. При этом в андийском квотативный показатель может быть представлен единой «слитной» формой, располагающейся на правой границе цитаты, либо выступать в «разрывном» виде, с первой частью внутри цитаты и второй — на ее правой границе. Неконечными могут быть компоненты *-vo* либо *-tovo*, вторая часть квотатива выглядит как *-du* (по говорам *=jd*, *=did*).

Слитные формы кватативов *-vojɔd* и *-ʎovojɔd* представлены в примерах (10) и (11). Напротив, в примере (12) на правой границе цитаты находится только компонент *-jd*, тогда как *-vo* располагается внутри цитаты, на форме императива.

(10) андийский (Риквани); элицитация

ali-l'o *ruɬ-o,* *ho-ɰw>a* *w-ugo-b-vojɔd*
 Али-SUP.LAT говорить-IMP [DEM-DIR <M> М-приходить-IMP] = QUOT
 'Скажи Али, чтоб пришел сюда.'

(11) андийский (Риквани); элицитация

ali-d *di-l'o* *ruɬi,* *ʒi-w* *w-ukon-ʎovojɔd*
 Али-ERG я-SUP.LAT говорить.AOR [сам-М М-есть.AOR] = QUOT
 'Али_i мне сказал, что он_i уже поел.'

(12) андийский (Риквани); устный корпус

hege-l-d *ruɬi-d, (...)*
 DEM-OBL.F/N-ERG говорить-PRF

kaj-b-vo *hinni-jd* *ruɬi-d*
 [входить-IMP = QUOT внутри] = QUOT говорить-PRF
 'Она сказала: «Заходи внутрь», — сказала.'

2.5. Косвенный вопрос

Для введения косвенного вопроса в андийском языке используются показатели *-bolo* или *-dibolo*, помещаемые на правой границе зависимой клаузы. Первый из них *-bolo* восходит к уступительному показателю *-bollo*, представляющему собой сочетание кондиционала с аддитивом (*-bollo* < **-bor-lo* [-COND = ADD]); показатель *-dibolo*, насколько нам известно, в литературе ранее не упоминался. В отличие от рассмотренных выше клистик парных наборов, показатели косвенного вопроса не могут смещаться в какую-либо другую позицию, кроме правого края клаузы.

(13) андийский (Анди); сказки

eɰig^wa *isib-lo* *j-ilin-nja-bolo*
 [какой <IV> сторона = ADD F-уходить-FUT] = INDIR

c'inni-r *b-ik^wo-č'igu*
 знать-PROGR IV-быть-PRF.NEG

'В какую сторону пойти, она не знала.'

(14) андийский (Анди); сказки

hege-b hege-ldu b-ik^wo=dibolo se·b·lo-doqi
 [DEM-IV DEM-MNR IV-быть.AOR] = INDIR [другой <IV> -ADV]

b-ik^wo=dibolo c'in-no-su
 IV-быть.AOR] = INDIR знать-НАВ-NEG

‘Так было или иначе — не знаю.’

2.6. Резюме: два набора клитик по функциям

В таблице 1 суммированы данные по парным наборам клитик (ярлыки, которыми названы два набора, будут пояснены в разделе 3). Как можно заметить, по говорам андийского языка клитики не всегда выглядят одинаково. Кроме того, в каждом из наборов клитики не обладают каким-то единым формальным признаком: обобщить их фонетическое сходство можно таким образом, что к дефолтному набору относятся *v*- или *l*-начальные клитики, а к «аористному», — *d*- или *t*-начальные клитики. Можно также заметить, что противопоставление между клитиками двух наборов часто выглядит эквивалентным, хотя в некоторых случаях показатель «аористной» серии представим через показатель дефолтной серии с наращением другой морфемы (ср. *-vo* ~ *-tovo*, *-bolo* ~ *-dibolo*).

Таблица 1. Парные наборы клитик

Функция	Дефолтная серия	«Аористная» серия
Частные вопросы	<i>-vo, -vi, -vil</i>	<i>-di, -to</i>
Репортативы	<i>-vodi</i>	<i>-todi</i>
Квотативы	<i>-vo (-vodli, -vojɔ)</i>	<i>-tovo (-tovodli, -tovoɔ)</i>
Общие вопросы	<i>-le</i>	<i>-de</i>
Косвенные вопросы	<i>-bolo</i>	<i>-dibolo</i>

3. Принцип распределения клитик в парных наборах

Исходя из приведенных выше примеров, а также другого проанализированного нами материала, можно утверждать, что некоторые потенциально возможные принципы, регулирующие выбор клитики, могут быть смело отвергнуты. Так, распределение между вариантами клитик внутри пары не связано

- с разницей в функции (между членами одной пары не заметно каких-либо семантических или иных различий),
- с синтаксической позицией и выбором опорного слова,
- с фонологическими свойствами опорного слова.

Заключение, которое позволяет сделать рассмотренный материал, состоит в том, что выбор клитики из пары связан исключительно с *видо-временной формой предиката*. А именно, одна из клитик в паре может считаться «дефолтной» и используется в большинстве контекстов («синий» набор в Таблице 1), тогда как другая используется в клаузах с вершиной в форме аориста («красный» набор)². Так, в примерах (1), (3), (5), (7), (10), (12), (13) с клитикой из «дефолтного» набора мы видим предикат в таких формах, как презенс прогрессива, футурум, перфект, императив, в остальных примерах — только аорист.

В предложениях с кватативами и косвенным вопросом выбор клитики потенциально мог бы регулироваться либо формой главного глагола, либо формой глагола во вложенной клаузе (цитате, косвенном вопросе). Как оказалось, выбор набора связан именно с формой предиката в зависимой клаузе: ср. дополнительно пример (15), по которому хорошо видно, что в то время как показатель репортатива выбирается по главному предикату (аорист *rɯli* ‘сказал’), показатель квататива относится к «дефолтной» серии, что может быть связано только с императивом в цитате.

(15) андийский (Риквани); устный корпус

hogu w-uk'o-b-vojd-ɬodi rɯli
 [[внизу м-быть-IMP] = QUOT] = REP говорить.AOR
 ‘{Как рассказывают,} (они) сказали, чтобы он сел.’

Распределение клитик по принципу «аорист vs. всё остальное» достаточно нетривиально по ряду причин:

- значение клитик во всех имеющихся парных наборах не связано напрямую с видо-временной зоной;
- сами парные наборы относятся к разным семантическим / морфосинтаксическим областям — это вопросительность (в широком смысле) и передача речи / заглазность, между которыми вроде бы нет явной связи;
- в форме аориста семантически и деривационно нет чего-то особенного, что бы однозначно противопоставляло его всем прочим формам (по крайней мере на синхронном уровне).

² Для показателей частного вопроса такое обобщение было ранее сделано Я. Г. Сулеймановым [1957: 339; 1983: 172]; он же отметил этот принцип распределения для показателей общего вопроса в рикванинском говоре [Сулейманов 1957: 382].

В связи с последним пунктом обращает на себя внимание тот факт, что вторая (после аориста) наиболее частотная форма прошедшего времени в андийском, а именно перфект, относится к другой группе, чем аорист, см. примеры (7), (13).

4. Частичные параллели и аналоги

Наличие парных наборов показателей (не из видо-временной зоны), выбор которых определялся бы видо-временным значением предиката, для нахско-дагестанских языков в целом не характерно. Нам известно лишь несколько параллелей такого рода, которые описаны ниже.

Прежде всего, сходное поведение некоторых показателей наблюдается как минимум в двух близкородственных андийскому языках андийской группы. Так, для годоберинского языка описаны следующие пары показателей, распределенных по времени глагола: вопросительные *-wu* (*-gu*) vs. *-da*, «эвиденциальные частицы» *-wa* vs. *-la*, «частицы неуверенности» *-waqi* (*-g^waqi*) vs. *-laqi* ‘интересно, Р ли’. В каждой из этих пар первый показатель используется с непрошедшими временами, тогда как второй — с прошедшими, см. подробнее [Kibrik 1996: 39, 182–183, 185, 227–228; Саидова 1973: 106, 140, 141]. В чамалинском языке две пары показателей также имеют распределение, связанное с формой глагола: общевопросительное *-le* (по другим данным, *-χa*) употребляется с будущим временем, а *-du* (*-k'a*) — с прочими формами; репортативное *-χa* / *-χalla* употребляется с прошедшим временем, тогда как *-k'a* / *-k'alla* — с прочими формами [Бокарев 1949: 92, 114; Magomedova 2004: 50]. Не исключено, что в других андийских языках могут обнаружиться похожие примеры, пока еще не отмеченные в существующих описаниях. Так или иначе, наличие подобных параллелей говорит нам о том, что связь выбора определенного показателя с видо-временной формой предиката не является уникальной для андийского и вряд ли представляет собой какую-то необъяснимую «случайность», но скорее всего основана на пока не до конца понятных нам путях диахронического развития, воспроизведенных в ряде родственных языков.

Другой аналог рассматриваемого явления обнаруживается в ицаринском даргинском, языке другой ветви нахско-дагестанской семьи, и касается распределения показателей неопределенных местоимений. Ицаринские неопределенные местоимения образуются от вопросительных при помощи показателей *-āl* или *-dēl*, причем второй из них представляет собой

стяжение *-āl* с показателем прошедшего времени *-di*. Важно при этом, что местоимения на *-dēl* используются в предложениях с временной референцией к прошлому [Sumbatova, Mutalov 2003: 40–41]. В примерах (16) и (17) ниже *čāl* представляет собой стяжение основы *ča-* ‘кто’ с показателем *-āl*, а форма *hil.dēl* включает местоимение *hi-l* ‘кто-ERG’ и стяжение клитики прошедшего времени *-di* с той же морфемой *-āl*.

(16) ицаринский даргинский; [Sumbatova, Mutalov 2003: 42]

čāl *sērʷ-an-caw*
 somebody (M)go:IPF-OBLG-PRS[M]
 ‘Somebody is going to come.’

(17) ицаринский даргинский; [Sumbatova, Mutalov 2003: 42]

ał *hil.dēl* *zaʹnʷ.daʹq-ib*
 you:SUP.LAT somebody [NPL]phone:PF-PRET
 ‘Someone (the speaker does not know who) has telephoned you.’

Ицаринский пример любопытен в том отношении, что в паре показателей один морфологически произведен от другого, причем морфема, при помощи которой осуществляется эта деривация, известна и по-прежнему функционирует в языке. Хотя в андийском в двух из парных наборов также имеется отношение производности (см. выше), ни для каких компонентов диахронический источник установить пока не удастся.

5. На пути к объяснению: возможные перспективы

Итак, ни для одной из упомянутых выше андийских клитик из парных наборов этимология неизвестна, а сам принцип распределения «аорист vs. все прочие формы предиката» на первый взгляд не представляется мотивированным. Попробуем, тем не менее, сформулировать некоторые направления того, как мы могли бы приблизиться к пониманию природы интересующего нас явления, а также его диахронических предпосылок.

5.1. Связь с фокусным маркированием?

Для большинства из рассмотренных в разделе 2 парных наборов можно отметить одно нетривиальное общее свойство — связь позиции клитики внутри клаузы с *фокусным выделением*. Так, частновопросительные клитики располагаются на группе вопросительного слова, общевопросительные —

на фокусе вопроса, см. примеры (3)–(6). Репортативные показатели и первый компонент квотативных могут находиться не на правой границе клаузы (цитаты), а на выделенной составляющей внутри нее, см. (9) и (12) выше, а также (18), в котором первый компонент квотатива *-tovo* примыкает к субъектной именной группе.

(18) андийский (Анди); сказки

hege-l̥i-b>o *č'o-du* *j-it'i~j-it'i*
DEM-OBL.F/N-AFF < IV > казаться-PRF [RDP~F-прямой]

en-χo *hiri* *raç^wara-tovo* *j-igo-du.*
сам.F/N-AD.LAT [красный шапка] = QUOT F-приходить.AOR] = QUOT

‘Она подумала, что к ней и правда Красная Шапочка пришла.’

В целом ряде нахско-дагестанских языков существуют грамматические механизмы фокусирования, при этом «подвижными» показателями, осуществляющим фокусное выделение различных типов составляющих, как правило, являются «предикативные частицы», в частности связки и вспомогательные глаголы [Kalinina, Sumbatova 2007: 242–246]; некоторые типы частиц — аддитивные, эмфатические, вопросительные — также проявляют чувствительность к фокусному маркированию [Forker, Belyaev 2016: 248–257]. В этой связи нельзя не отметить, что в близкородственном андийскому багвалинском языке андийской группы имеется целый ряд клитик с начальным согласным *ʒ-*, в том числе квотативная клитика *-vala*³. Хотя этот багвалинский показатель не являются частью парного набора, он напоминает андийский квотативный компонент *-vo* как фонетически, так и позиционно: ср. использование *-vala* на правой границе цитаты в (19) и на вопросительном слове внутри нее в (20). В обоих примерах правее *-vala* находится другой квотативный показатель *-di*: такая двухкомпонентная структура заставляет вспомнить андийское сочетание *-vo + -du* (*=jd, =did*), см. раздел 2.4.

(19) багвалинский; [Кибрик и др. 2001: 437, 758]

mak'a woč'e-vala-di, — *hel'i* *o-ti-r.*
[место COP.NEG] = QUOT = QUOT говорить.AOR ЭТОТ-OBL-ERG

‘«Места нет,» — сказала она.’

³ В грамматике [Кибрик и др. 2001: 529–531, 683] *-vala* описывается и как один из показателей косвенной речи, и как один из «плавающих» показателей фокуса.

(20) багвалинский; [Кибрик и др. 2001: 822]

he-b-ī-~~v~~ala *b-uṭu-di?* — *ek^wa* *musa*.

[что-N-Q = QUOT N-случаться.AOR] = QUOT COP Муса

‘«А что случилось?» — сказал Муса.’

Не исключено, таким образом, что морфемы, этимологически родственные андийским клитикам в парных наборах, стоит искать в родственных языках среди тех показателей, которые чувствительны к фокусному выделению, даже если в этих языках они не входят в парные наборы (а, может быть, и вовсе выражают какую-либо другую функцию).

5.2. Связь с исходной структурой глагольных форм?

Как уже отмечалось выше, противопоставление аориста всем остальным формам предиката, которое является ключевым для распределения клитик в парных наборах, представляется синхронно немотивированным как с семантической, так и с морфологической точки зрения. Во-первых, среди основных форм индикатива в андийском есть еще одна частотная форма прошедшего времени — это перфект на *-di* (*-d*), см. выше его употребление в примерах (7), (12), (13), (18). Однако распределение не проходит по линии «формы прошедшего времени ~ формы непрошедшего времени»: аорист и перфект оказываются в разных группах. Во-вторых, аорист деривационно не отличается от остальных ядерных форм индикатива, которые также являются синтетическими: это общий презенс и презенс прогрессива, хабитуалис, футурум, проспектив, интенционалис и уже упоминавшийся перфект. Некоторые из этих форм синкретичны с нефинитными формами (например, перфект — с перфективным деепричастием, футурум — с имперфективным причастием), однако финитные формы не содержат никаких специальных предикативных показателей типа связки настоящего времени.

Таким образом, синхронно ассоциация двух синтетических андийских форм прошедшего времени, аориста и перфекта, с разными наборами клитик — соответственно, аористным и «дефолтным», — не представляется объяснимой. Однако наше предположение состоит в том, что это противопоставление аориста и перфекта в действительности может отражать не синхронную деривацию этих форм, а их историю, прежде всего — исходную аналитическую структуру перфекта.

Дело в том, что в целом для андийских языков использование аналитических форм со связкой настоящего времени чрезвычайно характерно, в том

числе и среди ядерных форм индикатива: так, аналитические структуры типа «перфективное деепричастие + связка» стандартно используются для образования перфекта, «имперфективное деепричастие + связка» — для образования презенса и т.п. В багвалинском языке аналитическими формами являются такие функциональные аналоги андийских форм, как обобщенный презенс, перфект, проспектив и интенционалис, а также одно из будущих времен [Кибрик и др. 2001: 116–118].

Причина отсутствия аналитических форм со связкой в современном андийском языке заключается, по нашему мнению, в специфической эволюции собственно андийской связки настоящего времени *i* (по говорам *ži, ži*). Можно говорить о том, что андийская связка сместилась в сторону бытийного глагола: как правило, она отсутствует в предложениях идентификации или характеристики типа «он пастух», однако присутствует в локативных или посессивных предложениях типа «у него есть машина». Однако для более раннего состояния андийского языка отнюдь нельзя исключать наличия стандартных для родственных ему языков андийской группы аналитических форм со связкой — вероятно, со временем связка перестала использоваться в этих формах, что и привело к возникновению чисто синтетической парадигмы в индикативе. Андийский перфект, как это и свойственно андийским языкам, в таком случае тоже должен был быть аналитическим: его исходную структуру можно представить как «перфективное деепричастие на *-du* (*-d*) + связка»⁴.

Отнесение перфекта к «дефолтной» группе в данном случае объяснялось бы тем, что деривационно он принадлежит к формам «плана настоящего», имея в своем составе вспомогательный глагол (связку) настоящего времени. Напротив, аорист является «исконной» формой прошедшего времени, возводимой к праандийскому уровню [Алексеев 1988: 107–109], и тем самым оказывается по сути единственной формой «собственно прошедшего времени» в андийском. Таким образом, в рамках рассмотренной гипотезы оппозицию «аорист vs. всё остальное» можно было бы переформулировать как «прошедшее время vs. непрошедшее время» (в этом случае принцип противопоставления близок к тому, что выше мы видели для гоберинского и ицаринского).

⁴ Заметим, что синхронно аналитическая структура отмечается для перфекта в одном андийском говоре — кванхидатлинском (нижнеандийская группа говоров), см. [Церцвадзе 1965: 365–366].

На данный момент нам известен еще лишь один аспект поведения аориста, отличающего его от остальных форм глагольной парадигмы. В андийском языке некоторые глагольные формы могут присоединять согласовательный показатель множественного числа — суффикс $-(V)l$, по всей видимости заимствованный из именной парадигмы. При том, что разные формы различаются по степени обязательности и частотности этого типа числового согласования, на материале зиловского говора было установлено, что только аорист в принципе не допускает присоединения суффикса $-(V)l$ [Закирова 2020]. Причиной такого ограничения также может быть особый диахронический статус аориста в андийском языке как единственной «исконно финитной» формы, поскольку ряд других форм парадигмы имеют нефинитное происхождение.

6. Заключение

Итак, мы рассмотрели пять грамматических функций в андийском языке, показатели которых (все они относятся к энклитикам) представлены парными наборами с нетривиальным распределением между членами пары: один показатель используется только при наличии в клаузе формы аориста, другой — во всех остальных случаях. Сами грамматические области, в которых используются парные наборы, при этом не связаны напрямую с видо-временной семантикой: это общий, частный и косвенный вопрос, передача речи и репортативность.

В близкородственных языках сходное распределение встречается у некоторых функционально аналогичных показателей, хотя правила распределения формулируются для них не в точности так же, как в андийском. В целом же рассматриваемое явление нельзя считать очень характерным ни для языков андийской группы, ни для нахско-дагестанской семьи в целом.

В данной работе мы наметили два возможных направления дальнейших исследований, которые могли бы пролить свет на природу типологически необычного противопоставления, отмечаемого в андийском языке. Во-первых, в большинстве случаев рассматриваемые андийские показатели связаны с фокусным выделением, а значит их аналоги (и когнаты) имеет смысл искать и среди фокусных показателей родственных языков, не обязательно «парных» (здесь явным когнатом кажутся багвалинские частицы

с начальным согласным *в*-). Во-вторых, мы предположили, что распределение «аорист vs. прочие формы предиката» может иметь историческое объяснение, связанное с утратой связки настоящего времени в аналитических формах. В результате исходная, более функционально мотивированная, оппозиция «прошедшее vs. непрошедшее время» была затемнена из-за того, что перфект превратился в форму прошедшего времени, утратив структурную связь с «планом настоящего» (связку настоящего времени).

Список условных сокращений

III, IV — 3, 4 именные классы; AD — локализации «возле»; ADD — адитив; ADV — наречие; AFF — аффектив; AOR — аорист; CAUS — каузатив; COP — связка; DAT — датив; DEM — демонстратив; DIR — директив (направление); ERG — эргатив; F — женский именной класс; F/N — немужской именной класс; FUT — будущее время; GEN — генитив; HAB — хабитуалис; IMP — императив; IN — локализация «внутри»; INDIR — косвенный вопрос; IPF — имперфективная основа; LAT — латив; M — мужской именной класс; MNR — образ действия; N — средний именной класс; NEG — отрицание; NPL — средний класс мн.ч.; OBL — косвенная основа; OBLG — облигатив; PF — перфективная основа; PRET — претерит; PRF — перфект; PROGR — прогрессив; PRS — презенс; Q — общий вопрос; QUOT — квотатив; RDP — редупликация; REP — репортатив; SUP — локализация «наверху»; WH — частный вопрос.

Литература

- Алексеев 1988 — Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988. [Alekseev M.E. *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya avaro-andiiskikh yazыkov* [A comparative-historical morphology of the Avar-Andic languages]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Бокарев 1949 — Бокарев А.А. Очерк грамматики чамалинского языка. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1949. [Bokarev A.A. *Ocherk grammatiki chamalinskogo yazыka* [A sketch of Chamalal grammar]. Moscow—Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949.]
- Дирр 1906 — Дирр А.М. Краткий грамматический очерк андийского языка // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 36. Тбилиси, 1906. [Dirr A.M. *A short grammar sketch of Andi*. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemeni Kavkaza*. No. 36. Tbilisi, 1906.]
- Закирова 2020 — Закирова А.Н. Согласование по числу в андийском языке: экспансия из парадигмы существительных // Родной язык. 2020. №2. С. 94–123. [Zakirova A.N. *Number agreement in Andi: Expansion from the nominal paradigm*. *Rodnoy yazыk*. 2020. No. 2. P. 94–123.]
- Кибрик и др. 2001 — Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. Кибрик А.Е., Казенин К.И., Лютикова Е.А., Татевосов С.Г. (ред.). М.: ИМЛИ РАН, 2001. [Bagvalinskiy yazыk. *Grammatika. Teksty. Slovare* [Bagvalal: Grammar, texts, dictionaries]. Kibrik A.E., Kazenin K.I., Lyutikova E.A., Tatevosov S.G. (eds.). Moscow: IMLI RAN, 2001.]

- Саидова 1973 — Саидова П.А. Годоберинский язык (Фонетика, морфология). Махачкала: ИЯЛИ ДФ АН СССР, 1973. [Saidova P.A. Godoberinskiĭ yazyk (Fonetika, morfologiya) [Godoberi: Phonetics, morphology]. Makhachkala: IYaLI DF AN SSSR, 1973.]
- Салимов 2010 — Салимов Х.С. Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала: ИЯЛИ, 2010. [Salimov Kh.S. Gagatlińskiĭ govor andiĭskogo yazyka [The Gagatli dialect of Andi]. Makhachkala: IYaLI, 2010.]
- Сулейманов 1957 — Сулейманов Я.Г. Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1957. [Suleĭmanov Ya.G. Grammaticheskiĭ ocherk andiĭskogo yazyka (po dannĭm govora s. Rikvani) [A grammar sketch of Andi: based on the dialect of the Rikvani village.]. Ph.D. thesis. Moscow, 1957.]
- Сулейманов 1983 — Сулейманов Я.Г. Местоимение в североандийских говорах андийского языка // Местоимения в языках Дагестана. Джидалаев Н.С. (ред.). Махачкала, 1983. С. 151–172. [Suleĭmanov Ya.G. Mestoimenie v severoandiĭskikh govorakh andiĭskogo yazyka. Mestoimeniya v yazykakh Dagestana. Dzhidalaev N.S. (ed.). Makhachkala, 1983. P. 151–172.]
- Церцвадзе 1965 — Церцвадзе И.И. Андийский язык (Грамматический анализ с текстами). Тбилиси: Мецниереба, 1965. [На груз. яз., резюме на рус. яз.] [Tsertsvadze I.I. Andiĭskii yazyk (Grammaticheskiĭ analiz s tekstami) [Andi: Grammar sketch with texts]. Tbilisi: Metsniereba, 1965. In Georgian, summary in Russian.]
- Forker, Belyaev 2016 — Forker D., Belyaev O. Word order and focus particles in Nakh-Daghestanian languages. Information structuring of spoken language from a cross-linguistic perspective. Fernandez-Vest J.M.M., Van Valin Jr. R.D. (eds.). Berlin/Boston: de Gruyter, 2016. P. 239–262.
- Kalinina, Sumbatova 2007 — Kalinina E., Sumbatova N. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages. Finiteness: Theoretical and empirical foundations. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 183–249.
- Kibrik 1996 — Godoberi. Kibrik A. (ed.). München: Lincom Europa, 1996.
- Magomedova 2004 — Magomedova P.T. Chamalal. The indigenous languages of the Caucasus, Vol. 3: The North East Caucasian Languages, Part 1. Job M. (ed.). Ann Arbor; MI: Caravan Books, 2004. P. 1–65.
- Sumbatova, Mutalov 2003 — Sumbatova N.R., Mutalov R.O. A grammar of Icarī Dargwa. München: Lincom Europa, 2003.

Источники примеров

- Сказки — Дунялла бахуннирсси халгъгьиллОл гъгъванаб миццИллассол мухал (Сказки народов мира на андийском языке) / Отв. ред. П. А. Магомедова, пер. М. А. Алисултановой. Махачкала: ИД «Нуруль иршад», 2010. [Dunyalla bakhunnirssi khalg"g"illol g"g"vanab mitsItsillla-ssol mukhal [World fairy-tales in Andi]. Magomedova P. A. (ed.), Alisultanova M. A. (transl). Makhachkala: ID «Nurul' irshad», 2010.]

Статья поступила в редакцию 16.11.2020

The article was received on 16.11.2020

Тимур Анатольевич Майсак

кандидат филологических наук; старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН; ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Timur Maisak

Ph.D.; Senior Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences;
Leading Researcher, National Research University Higher School of Economics

timur.maisak@gmail.com